

Репринтное издание
ПЕРВИНА
МОСКВА – 1923 г.

АЛЕКСАНДР БЛОК ОТРОЧЕСКИЕ СТИХИ АВТОБИОГРАФИЯ

Многие члены семьи моей матери причастны к литературе и науке. Дед мой, Андрей Николаевич Бекетов, был ректором Петербургского университета в его лучшие, классические годы. Жена его, моя бабушка, Елизавета Григорьевна Бекетова, дочь известного путешественника Григория Силыча Корелина, всю жизнь работала над переводами научных и, особенно, художественных произведений. Она была очень начитана, владела несколькими языками, ее мировоззрение было удивительно живое и своеобразное, стиль образный, точный, смелый русский язык, обличавший казачью породу. Ее многочисленные переводы, преимущественно с английского (особенно Вальтер-Скотта, Диккенса, Гольдсмита), остаются до сих пор одними из лучших. Характер до редкости отчетливый соединялся в ней с мыслью ясной, как летние деревенские утра, в которые она до свету садилась работать. И все это вязалось с пламенной романтикой, переходившей иногда в старинную сентиментальность. Она любила музыку и поэзию и писала мне трогательные стансы.

К сожалению, она так и не написала своих воспоминаний, которые могли быть ценны: она знала лично многих наших писателей, встречалась с Гоголем, братьями Достоевскими, Толстым, Полонским, Майковым и другими.

От дедов унаследовали любовь к литературе и незапятнанное понятие о ее высоком значении моя мать и ее две сестры. Все три переводили с иностранных языков: мать (Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттук) — с французского, немецкого и польского; Екатерина Андреевна (Краснова) — с английского, испанского и итальянского; последняя, теперь уже покойная, издала, кроме того, два тома рассказов и стихов.

В семье отца, насколько я знаю, литература играла второстепенную роль. Сам отец мой, Александр Львович Блок — профессор Варшавского университета по Кафедре государственного права, — кроме специальной учености, очень образованный человек; он — талантливый музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист.

Жил я в детстве в семье матери, так что обстановка жизни только способствовала развитию моей любви к слову. В семье, в общем, господствовали старинные понятия о литературных ценностях и идеалах, — одной только моей матери свойственны были постоянный мятёж и беспокойство о новом.

Первым вдохновителем моим, имевшим огромную власть надо мной, был Жуковский; через него впервые узнал я дух немецкой романтики. С раннего детства я помню постоянно наплывавшие на меня лирические волны, тогда еще еле связанные с чьим-либо именем. Запомнилось разве имя Полонского и первое впечатление его строф:

*Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен. Мечты кипят.
От зари роскошный холод
Проникает в сад.*

„Жизненных опытов“ не было долго, сознательной жизни — еще дольше. Смутно помню я большие петербургские квартиры с массой людей, с няней, игрушками, елками, баловством, — и благоуханную глушь маленькой дворянской усадьбы (село Шахматово, Московской губернии, Клинского уезда). Лишь около 15 лет родились первые определенные мечтания о любви и рядом — приступы отчаянья и иронии.

„Сочинять“ я стал чуть ли не с пяти лет. Гораздо позже мы с двоюродными и троюродными братьями основали журнал „Вестник“ в одном экземпляре, где я был редактором и деятельным сотрудником три года.

Серьезное писание началось, когда мне было около 18 лет. Года три-четыре я показывал свои писания только матери и тетке. Все это были — лирические стихи, и ко времени выхода первой моей книги «Стихов о Прекрасной Даме» их накопилось до 800, не считая отроческих. В книгу из них вошло лишь около 100. Позже я печатал кое-что из старого в журналах и газетах.

Семейные традиции и моя замкнутая жизнь способствовали тому, что ни строки так называемой „новой поэзии“ я не знал до первых курсов университета. Здесь, в связи с острыми мистическими и романтическими переживаниями, всем существом моим овладела поэзия Владимира Соловьева. Позже — сильное влияние на меня оказали Мережковский и Брюсов.

От полного незнания и неумения сообщаться с миром, со мною случился анекдот, о котором я вспоминаю теперь с удовольствием и благодарностью: как-то в дождливый осенний день (если не ошибаюсь, 1900 года) отправился я со стихами к старинному знакомому нашей семьи, Виктору Петровичу Острогорскому, теперь покойному. Он редактировал тогда „Мир Божий“. Не говоря, кто меня к нему направил, я с волнением дал ему два маленьких стихотворения, внушенные Сирином, Алконостом и Гамаюном В. Васнецова. Пробежав стихи, он сказал: „Как вам не стыдно, молодой человек, заниматься этим, когда в университете Бог знает что творится“ — и выпроводил меня со свирепым добродушием. Тогда это было обидно, а теперь вспоминать об этом приятнее, чем обо многих позднейших похвалах.

После этого случая я долго никуда не совался, пока в 1902 году меня не направили к Б. Никольскому, редактировавшему тогда вместе с Репиным студенческий сборник. Никольский взял у меня стихотворения и исказил их, впрочем, с моего согласия.

Печататься серьезно я стал уже через год после этих неудач. Первыми, кто обратил внимание на мои стихи, были Михаил Сергеевич и Ольга Михайловна Соловьевы (последняя — двоюродная сестра моей матери). Первые мои вещи появились в 1903 году в журнале „Новый Путь“ и, почти одновременно, в альманахе „Северные Цветы“. Этот год я и считаю годом своего литературного крещения.

За первые напечатанные вещи я не получил гонорара. Мои рецензии и заметки подвергались иногда легкому исправлению. Первые деньги получил я от редактора „Журнала для всех“ Виктора Сергеевича Миролюбова; хотя он был вместе с тем и издателем, а, по выражению Лескова, „издатель — всегда издатель, — я встречал не много людей с такой открытой душой, как у него.

Критических отзывов о моей первой книге было не много; больше всего, насколько я знаю, о второй. Впрочем, они всегда попадались мне случайно. Мне приходилось читать о себе и заметки и целые статьи, но почти никогда они не останавливали моего внимания. За немногими исключениями (замечания Брюсова, Вяч. Иванова, Д. В. Философова, В. И. Самойло), они меня ничему не научили; были и буренинско-праздные, и фельетонно-хлесткие, и уморительно декадентские, но везде — ложка правды в бочке критических вымыслов, хулиганской ругани, бесстыдных расхваливаний, а иногда, к сожалению, намеки вовсе не литературного свойства. Важнейшими приговорами, кроме собственных, были для меня приговоры ближайших литературных друзей и некоторых людей, не относящихся к интеллигенции.

Печатание никогда не было для меня важным событием, потому что я привык строго отделять его от писания. Под псевдонимом я никогда не печатался, изредка подписывался только инициалами.

От цензуры страдал я не много. Не могу сказать того же о неисправности в платеже, которая в последнее время, со стороны некоторых издателей, сделалась систематической.

На серьезные опечатки я могу жаловаться тоже лишь в последнее время, когда невежество корректоров приняло баснословные размеры. Корректоры и издатели, имеющие уважение к слову, должны знать, что существует математика слова (как математики всех других искусств), особенно — в стихах. Поэтому менять их по собственному вдохновению, каковы бы они, с их точки зрения, ни были, — по меньшей мере некультурно.

Теперешние внешние обстоятельства моего писательства я не могу считать особенно трудными. Однако ни одна из моих книг не потребовала второго издания. Стихи читаются мало, а мне пока всего доступнее и дороже язык стихов.

A la tres chere, a la tres belle... Baudelaire

*Одной тебе, тебе одной,
Любви и счастья царице,
Тебе прекрасной, молодой
Все жизни лучшие страницы!
Ни верный друг, ни брат, ни мать
Не знают друга, брата, сына,
Одна лишь можешь ты понять
Души неясную кручину.
Ты, ты одна, о, страсть моя,
Моя любовь, моя царица!
Во тьме ночной душа твоя
Блестит, как дальняя зарница.*

*Пора забыться полным счастья сном,
Довольно нас терзало сладострастье....
Покой везде. Ты слышишь: за окном
Нам соловей пророчит счастье?
Теперь одной любви полны сердца,
Одной любви и неги сладкой.
Всю ночь хочу я плакать без конца
С тобой вдвоем, от всех украдкой.
О, плачь, мой друг! Слеза туманит взор,
И сумрак ночи движется туманно...
Смотри в окно: уснул безмолвный бор,
Качая ветвями таинственно и странно.
Хочу я плакать... Плач моей души
Твоею страстью не прервется...
В безмолвной, сладостной, таинственной тиши
Песнь соловьиная несется...*

*Пусть рассвет глядит нам в очи,
Соловей поет ночной,
Пусть хоть раз во мраке ночи
Обовью твой стан рукой.
И челнок пойдет, качаясь
В длинных темных камышах,
Ты прильнешь ко мне, ласкаясь,
С жаркой страстью на устах.
Пой любовь, пусть с дивной песней
Голос льется все сильнее,
Ты прекрасней, ты прелестней,
Чем полночный соловей!..*

*Ловя мгновенья сумрачной печали,
Мы шли неровной, скользкою стезей.
Минуты счастья, радости нас ждали,
Презрели их, отвергли мы с тобой.
Мы разошлись.
Свободны жизни наши,
Забыли мы былые времена,
И, думаю, из чаши, светлой чаши
Мы счастье пьем, пока не видя дна.*

*Когда-нибудь, с последней каплей сладкой,
Судьба опять столкнет упрямо нас,
Опять в одну любовь сольет загадкой,
И мы пойдем, ловя печали час.*

*Ты, может быть, не хочешь угадать,
Как нежно я люблю Тебя, мой гений?
Никто, никто не может так страдать,
Никто из наших робких поколений.
Моя любовь горит огнем порой,
Порой блестит как звездочка ночная,
Но вечно пламень вечный и живой
Дрожит в душе, на миг не угасая.*

*О, страсти нет! Но тайные мечты
Для сердца нежного порой бывают сладки,
Когда хочу я быть везде, где Ты,
И целовать твоей одежды складки.
Мечтаю я, чтоб ни одна душа
Не видела Твоей души нетленной,
И я лишь, смертный, знал, как хороша
Одна она, во всей, во всей вселенной.*

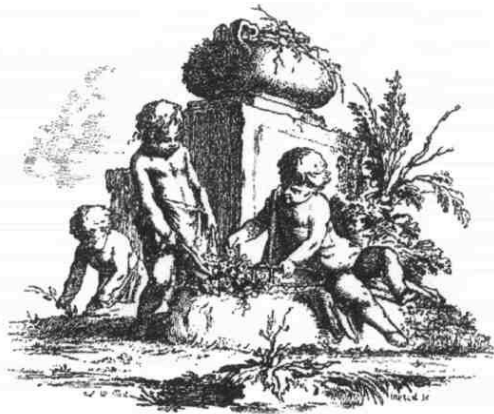
*Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина.
Всё уснуло, да мне-то не спится.
Я хотел бы уснуть, да уж очень темна
Эта ночь, - и луна не сребрится.
Думы всё неотвязно тревожат мой сон.
Вспоминаю я прошлые ночи:
Мрак неясный... По лесу разносится звон...
Как сияют прекрасные очи!..
Дальше, дальше... Как холодно! Лёд на Неве,
Открываются двери на стужу...
Что такое проснулось в моей голове?
Что за тайна всплывает наружу?..
Нет, не тайна: одна неугасшая страсть...
Но страстям я не стану молиться!
Пред другой на колени готов я упасть!
Эх, уснул бы... да что-то не спится.*

*Да, я измученный, усталый соловей,
Пресеклись звуки, песня оборвалась,
Но с ясною гармонией Твоей
Моя душа больная не рассталась.
Теперь Тебе и говорить и петь,
Я буду слушать, плакать неутешно,
Ты сердце-то ведь можешь пожалеть?
О, оправдай, когда Ты так безгрешна!
Когда и Ты, одна моя мечта,
Не дашь мне выплакать давнишние страданья,
Я буду знать, что в мире красота
Всегда нема и нет в ней состраданья!*

*Немало времени прошло уже с тех пор:
Ты взглянешь на меня с безвестной,
Тихой думой,*

*Я все по-прежнему безжизненный актер,
Влачащий муки детские угрюмо.
Ты все по-прежнему прекрасна и чиста,
Ты все не видишь,—я сильнее стражду.
О, как мне хочется, чтоб Ты, о, Красота,
Узнала то, чего я страстно жажду!*

*И как мне хочется поплакать близ Тебя,
Как малому ребенку в колыбели!
Так чисто, так приветливо любя,
Мы слова вымолвить друг другу не успели!..*

ПОСЛЕДНИЙ ЦИКЛ

Гений первой любви надо мной...

А. Блок

«Всякий, кого коснется Эрот, становится поэтом», — таким эпиграфом из Платона («Пир») на древнегреческом языке открывается в Собраниях сочинений Александра Блока последний цикл «Отроческие стихи». Март 1921 года... Но датированы все стихотворения цикла — 1898 годом... Лирику той ранней поры Блок относил по большей части в отдел «Ante Lucet» («До Света») книги первой своей поэтической трилогии. Впервые сложился этот большой цикл в 1916 году. А в 1919 году, уже после революции, после «Двенадцати» и «Скифов», на спаде энтузиазма января 1918 года, Блок составляет из стихов 1898—1903 годов сборник «За гранью прошлых дней», который вышел в 1920 году. В том же году появляется трагическое «Седое утро», возникшее из предреволюционной лирики, но выражающее блоковское ощущение современности. 6 февраля 1921 года Блок записывает в дневнике: «Следующий сборник стихов, если будет: «Черный день». И в стихотворении «Пушкинскому Дому»: «Как мы черный день встречали Белой ночью огневой...»

Черный день и наступил. Блок произносит свое завещание — Пушкинскую речь «О назначении поэта». И, «уходя в ночную тьму», кланяется Пушкинскому Дому. 3 марта 1921 года Блок подготавливает к печати сборник «Отроческие стихи». «Отроческие стихи» не входят в каноническое собрание лирики Блока, но примыкают к первому ее тому. Данное издание репринтно воспроизводит книгу, которую автор готовил в марте 1921 года (исправлены лишь явные полиграфические и редакторские промахи). Текстологически выверенный текст «Отроческих стихов» читатель найдет в наиболее авторитетных изданиях Собраний сочинений Александра Блока, в том числе в Полном «академическом» (т. 4, подготовлен Пушкинским Домом). «Отроческие стихи» дороги нам соединением лирического утра гения и последнего мига жизни творца «Стихов о Прекрасной Даме», циклов «Через двенадцать лет» и «Кармен» — певца любви и красоты. Дорого и то, что в книгу входит Автобиография поэта в ее раннем, первоначальном, менее известном варианте (октябрь 1909).

Гимадеева Л. М.

Исхакова Алия

Гарифуллин Булат

Презентация по книге:

«Александр Блок. Отроческие стихи.

Автобиография»

ПЕРВИНА Москва 1923 г.

(Репринтное издание)